

Л. Троцкий.

СТАЛИНИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

(К вопросу об исторических и теоретических корнях Четвертого Интернационала)

Реакционные эпохи, как наша, не только разлагают и ослабляют рабочий класс, изолируя его авангард, но и снижают общий идеологический уровень движения, отбрасывая политическую мысль назад, к давно уже пройденным этапам. Задача авангарда в этих условиях состоит прежде всего в том, чтобы не дать увлечь себя общим попятным потоком, — надо плыть против течения. Если неблагоприятное соотношение сил не позволяет удержать захваченные ранее политические позиции, надо удержаться, по крайней мере, на идеологических позициях, ибо в них выражен дорого оплаченный опыт прошлого. Глупцам такая политика кажется «сектантством». На самом деле только она подготавливает новый гигантский скачек вперед, вместе с волной грядущего исторического прилива.

РЕАКЦИЯ ПРОТИВ МАРКСИЗМА И БОЛЬШЕВИЗМА

Большие политические поражения вызывают неизбежно переоценку, которая, в общем, совершается в двух направлениях. С одной стороны, обогащенная опытом поражений, мысль подлинного авангарда, охраняя зубами и когтями преемственность революционной мысли, стремится воспитать на ней новые кадры для будущих массовых боев. С другой стороны, испуганная поражениями мысль рутинеров, центристов и дилетантов, стремится разрушить авторитет революционной традиции, и, под видом поисков «нового слова», возвращается далеко вспять.

Можно было бы привести множество примеров идеологической реакции, которая чаще всего, впрочем, принимает форму прострации. Вся литература II и III

Интернационалов, как и их центристских сателлитов из Лондонского бюро, состоит, в сущности, из такого рода примеров. Ни намек на марксистский анализ. Ни одной серьезной попытки объяснить причину поражений. Ни одного свежего слова о будущем. Ничего, кроме шаблона, рутины, фальши, и, прежде всего, заботы о собственном бюрократическом самосохранении. Достаточно десяти строк какого-либо Гильфердинга или Отто Бауэра, чтоб почувствовать запах тления. О теоретиках Коминтерна вообще говорить не приходится. Прославленный Димитров невежествен и банален, как мелкий лавочник в пивной. Мысль этих людей слишком ленива, чтоб отречься от марксизма: они его проституируют. Не они нас интересуют сейчас. Обратимся к «новаторам».

Бывший австрийский коммунист, Вилли Шламм, посвятил московским процессам книжку, под выразительным заглавием «Диктатура лжи». Шламм — даровитый журналист, интересы которого направлены, главным образом, на вопросы дня. Критика московских подлогов, как и вскрытие психологической механики «добровольных признаний», сделаны у Шламма прекрасно. Но не удовлетворяясь этим, он хочет создать новую теорию социализма, которая страховала бы в будущем от поражений и подлогов. А так как Шламм совсем не теоретик и даже, по-видимому, слабо знаком с историей развития социализма, то, под видом нового откровения, он возвращается целиком к домарксовому социализму, притом в его немецкой, т. — е. наиболее отсталой, слащавой и приторной разновидности. Шламм отказывается от диалектики, от классовой борьбы, не говоря уж о диктатуре пролетариата. Задача преобразования общества сводится для него к осуществлению некоторых «вечных» истин морали, которыми он собирается пропитать человечество уже при капиталистическом строе. В журнале Керенского «Новая Россия» (старый русский провинциальный журнал, издающийся в Париже) попытка Вилли Шламма спасти социализм прививкой нравственной лимфы встречена не только с радостью, но и с гордостью: по справедливому заключению редакции, Шламм приходит к принципам истинно-русского социализма, который давно уже сухой и черствой классовой борьбе противопоставил священные принципы веры, надежды и любви. Правда, оригинальная доктрина русских «социалистов-революционеров» представляла в своих «теоретических» послылках лишь возврат к социализму домартовской Германии. Было бы, однако, слишком несправедливо требовать от Керенского более близкого знакомства с историей идей, чем от Шламма. Гораздо важнее то обстоятельство, что солидаризирующийся со Шламмом Керенский был, в качестве главы правительства, инициатором преследования большевиков, как агентов немецкого генерального штаба, т. — е. организовал те самые подлоги, для борьбы с которыми Шламм мобилизует ныне изъеденные молью метафизические абсолюты.

Психологический механизм идейной реакции Шламма и ему подобных очень несложен. В течение некоторого времени эти люди участвовали в политическом движении, которое клялось классовой борьбой и, на словах, апеллировало к материалистической диалектике. В Австрии, как и в Германии дело завершилось катастрофой. Шламм делает огульный вывод: вот к чему привели классовая борьба и диалектика! А так как выбор откровений ограничен историческим опытом и... личной осведомленностью, то в поисках за новым словом, наш реформатор наталкивается на давно уже отброшенную ветошь, которую он храбро противопоставляет не только большевизму, но и марксизму.

На первый взгляд представляемая Шламмом разновидность идеологической реакции слишком примитивна (от Маркса... к Керенскому!), чтобы на ней стоило останавливаться. Однако, на самом деле, она крайне поучительна: именно благодаря своей примитивности она представляет общий знаменатель всех других форм реакции, прежде всего той, которая выражается в огульном отказе от большевизма.

«НАЗАД К МАРКСИЗМУ»?

В большевизме марксизм нашел свое наиболее грандиозное историческое выражение. Под знаменем большевизма одержана первая победа пролетариата и основано первое рабочее государство. Этих фактов уже никакая сила не вычеркнет из истории. Но так как Октябрьская революция привела на данной стадии к торжеству бюрократии, с ее системой гнета, хищничества и фальсификации — к «диктатуре лжи», по меткому выражению Шламма,— то многие формальные и поверхностные умы склоняются к суммарному выводу: нельзя бороться против сталинизма, не отказываясь от большевизма. Шламм, как мы уже знаем, идет дальше: большевизм, выродившийся в сталинизм, сам вырос из марксизма,— нельзя, следовательно, бороться против сталинизма, оставаясь на основах марксизма. Менее последовательные, но более многочисленные говорят, наоборот: «надо от большевизма вернуться к марксизму». Какой дорогой? К какому марксизму? Прежде, чем марксизм «обанкротился», в лице большевизма, он потерпел крушение, в лице социал-демократии. Лозунг «назад к марксизму» означает, таким образом, прыжок через эпоху II и III Интернационалов... к I Интернационалу? Но и тот потерпел в свое время крушение. Значит дело идет в конце концов о возвращении... к полному собранию сочинений Маркса и Энгельса. Этот героический прыжок можно совершить, не выходя из своего кабинета и даже не снимая туфель. Но как придти затем от наших классиков (Маркс умер в 1883 г., Энгельс — в 1895 г.) к задачам новой эпохи, минуя несколько десятилетий теоретической и политической борьбы, в том числе большевизм и Октябрьскую революцию? Никто из тех, кто предлагает отказаться от большевизма, как исторически «обанкротившегося» течения, не указал новых путей. Дело сводится, таким образом, к простому совету «изучать „Капитал“». Против этого возражать нельзя. Но „Капитал“ изучали и большевики, и притом не плохо. Это не предотвратило, однако, вырождения советского государства и инсценировки московских процессов. Как же быть?

ОТВЕЧАЕТ ЛИ БОЛЬШЕВИЗМ ЗА СТАЛИНИЗМ?

Верно ли, однако, что сталинизм представляет законный продукт большевизма, как полагает вся реакция, как утверждает сам Сталин, как думают меньшевики, анархисты и некоторые левые доктринеры, считающие себя марксистами?» Мы это всегда предсказывали,— говорят они: начав с запрещения других социалистических партий, с подавления анархистов, с установления диктатуры большевиков в Советах, Октябрьская революция не могла не придти к диктатуре бюрократии. Сталинизм есть продолжение и вместе банкротство ленинизма».

Ошибка рассуждения начинается с молчаливого отождествления большевизма, Октябрьской революции и Советского Союза. Исторический процесс, состоящий в борьбе враждебных сил, подменяется эволюцией большевизма в безвоздушном пространстве. Между тем большевизм есть лишь политическое течение, тесно слившееся, правда, с рабочим классом, но не тождественное даже с ним. А кроме

рабочего класса в СССР существует больше ста миллионов крестьян, разнородные национальности, наследие гнета, нищеты и невежества. Созданное большевиками государство отражает не только мысль и волю большевизма, но и культурный уровень страны, социальный состав населения, давление варварского прошлого и не менее варварского мирового империализма. Изображать процесс вырождения советского государства, как эволюцию чистого большевизма, значит игнорировать социальную реальность, во имя одного логически-выделенного ее элемента. Достаточно, в сущности, назвать эту элементарную ошибку по имени, чтоб от нее не осталось следа.

Сам большевизм, во всяком случае, никогда не отождествлял себя ни с Октябрьской революцией, ни с вышедшим из нее советским государством. Большевизм рассматривал себя, как один из факторов истории, ее «сознательный» фактор, — очень важный, но не решающий. Историческим субъективизмом мы никогда не грешили. Решающий фактор — на данном фундаменте производительных сил — мы видели в классовой борьбе, притом не в национальном только, а в международном масштабе.

Когда большевики шли на уступки собственническим тенденциям крестьян, устанавливали строгие правила для вступления в партию, подвергали эту партию чистке от чужеродных элементов, запрещали другие партии, вводили НЭП, прибегали к сдаче предприятий в концессию, или заключали дипломатические соглашения с империалистскими правительствами, они, большевики, делали частные выводы из того основного факта, который теоретически им был ясен с самого начала, именно, что завоевание власти, как ни важно оно само по себе, вовсе не превращает партию в полновластного хозяина исторического процесса. Овладев государством, партия получает, правда, возможность с недоступной ей ранее силой воздействовать на развитие общества; но зато и сама она подвергается удесятенному воздействию со стороны всех других его элементов. Прямыми ударами враждебных сил она может быть отброшена от власти. При более затяжных темпах развития, она может, удержав власть, внутренне переродиться. Именно этой диалектики исторического процесса не понимают сектантские резонеры, которые в гниении сталинской бюрократии пытаются найти уничтожающий довод против большевизма.

По сути дела эти господа говорят: плоха та революционная партия, которая в самой себе не заключает гарантий против своего вырождения. Пред лицом подобного критерия большевизм, конечно, осужден: талисмана у него нет. Но самый этот критерий ложен. Научное мышление требует конкретного анализа: как и почему партия разложилась. Никто не дал до сих пор этого анализа, кроме самих большевиков. Им не понадобилось для этого порывать с большевизмом. Наоборот, в его арсенале они нашли все необходимое для объяснения его судьбы. Вывод, к которому они пришли, гласит: конечно, сталинизм «вырос» из большевизма, но вырос не логически, а диалектически: не в порядке революционного утверждения, а в порядке термидорианского отрицания. Это совсем не одно и то же.

ОСНОВНОЙ ПРОГНОЗ БОЛЬШЕВИЗМА

Однако, большевикам не нужно было ждать московских процессов, чтоб задним числом объяснить причины разложения правящей партии СССР. Они задолго предвидели теоретическую возможность такого варианта развития и заранее

говорили об этом. Напомним тот прогноз, который большевики делали не только накануне Октябрьской революции, но и за ряд лет до нее. Особая группировка сил в национальном и международном масштабе ведет к тому, что пролетариат может впервые придти к власти в такой отсталой стране, как Россия. Но та же группировка сил свидетельствует заранее, что без более или менее скорой победы пролетариата в передовых странах, рабочее государство в России не устоит. Предоставленный самому себе советский режим падет или выродится. Точнее сказать: раньше выродится, затем падет. Мне лично приходилось об этом писать не раз, уже начиная с 1905 года. В моей «Истории русской революции» (см. «Приложение» к последнему тому: «Социализм в отдельной стране») собраны высказывания на этот счет вождей большевизма, за время с 1917 до 1923 года. Все сходятся в одном: без революции на Западе большевизм будет ликвидирован либо внутренней контрреволюцией, либо внешней интервенцией, либо их сочетанием. Ленин не раз указывал, в частности, на то, что бюрократизация советского режима есть не технический или организационный вопрос, а возможное начало социального перерождения рабочего государства.

На XI съезде партии, в марте 1922 года, Ленин говорил по поводу той «поддержки», которую, со времени НЭПа решили оказывать советской России некоторые буржуазные политики, в частности, либеральный профессор Устрялов. «Я за поддержку советской власти в России,— говорит Устрялов,— потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти». Циничный голос врага Ленин предпочитает «сладенькому коммунистическому вранью». С суровой трезвостью он предупреждает партию об опасности: «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо». Словом, партия — не единственный фактор развития и, в больших исторических масштабах,— не решающий.

«Бывает, что один народ завоеует другой народ,— продолжал Ленин на том же съезде, последнем, прошедшем с его участием,— ...Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице Р. С. Ф. С. Р., и не получилось ли тут так, что 4.700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) не оказались ли подчиненными чужой культуре?». Это сказано было в начале 1922 г., и притом не в первый раз. История не делается немногими, хотя бы и «самыми лучшими» людьми; мало того: эти «лучшие» могут переродиться в духе «чужой», т.— е. буржуазной культуры. Не только советское государство может сойти с социалистического пути, но и большевистская партия может, при неблагоприятных исторических условиях, растерять свой большевизм.

Из ясного понимания этой опасности исходила левая оппозиция, окончательно сложившаяся в 1923 году. Регистрируя изо дня в день симптомы перерождения, она стремилась противопоставить надвигавшемуся термидору сознательную волю пролетарского авангарда. Однако, этого субъективного фактора оказалось

недостаточно. Те «гигантские массы», которые, по Ленину, решают исход борьбы, утомились от внутренних лишений и от слишком долгого ожидания мировой революции. Массы пали духом. Бюрократия взяла верх. Она смирила пролетарский авангард, растоптала марксизм, проституировала большевистскую партию. Сталинизм победил. В лице левой оппозиции, большевизм порвал с советской бюрократией и ее Коминтерном. Таков действительный ход развития.

Правда, в формальном смысле сталинизм вышел из большевизма. Московская бюрократия даже и сегодня продолжает называть себя большевистской партией. Она пользуется попросту старой бандеролью большевизма, чтоб лучше обманывать массы. Тем более жалки те теоретики, которые принимают оболочку за ядро, видимость за сущность. Отождествляя сталинизм с большевизмом, они оказывают лучшую услугу термидорианцам, и тем самым играют заведомо реакционную роль.

При устранении с политического поля всех других партий противоречивые интересы и тенденции разных слоев населения должны были, в той или другой степени, находить себе выражение в правящей партии. По мере того, как политический центр тяжести передвигался от пролетарского авангарда к бюрократии, партия изменялась, как по социальному составу, так и по идеологии. Благодаря бурному ходу развития, она потерпела в течение последних 15 лет гораздо более радикальное перерождение, чем социал-демократия за пол столетия. Нынешняя «чистка» проводит между большевизмом и сталинизмом не просто кровавую черту, а целую реку крови. Истребление всего старого поколения большевиков, значительной части среднего поколения, участвовавшего в гражданской войне, и той части молодежи, которая серьезнее восприняла большевистские традиции, показывает не только политическую, но прямо-таки физическую несовместимость сталинизма и большевизма. Как же можно не видеть этого?

СТАЛИНИЗМ И «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ»

Анархисты, со своей стороны, пытаются видеть в сталинизме органический продукт не только большевизма и марксизма, но «государственного социализма» вообще. Они согласны заменить патриархальную бакунинскую «федерацию свободных общин» более современной федерацией свободных советов. Но они по-прежнему против централизованного государства. В самом деле: одна ветвь «государственного» марксизма, социал-демократия, придя к власти, стала открытой агентурой капитала. Другая породила новую касту привилегированных. Ясно: источник зла в государстве. Под широким историческим углом зрения в этом рассуждении можно найти зерно истины. Государство, как аппарат принуждения, является несомненным источником политической и моральной заразы. Это относится, как показывает опыт, и к рабочему государству. Можно, следовательно, сказать, что сталинизм есть продукт такого состояния общества, когда оно еще не сумело вырваться из смиренной рубашки государства. Но это положение, не давая ничего для оценки большевизма или марксизма, характеризует лишь общий культурный уровень человечества, и прежде всего — соотношение сил между пролетариатом и буржуазией. После того, как мы согласимся с анархистами, что государство, даже рабочее, есть порождение классового варварства, и что подлинная человеческая история начнется с упразднения государства, перед нами, во всей своей силе, останется вопрос: каковы пути и методы, которые способны в конце

концов привести к упразднению государства? Свежий опыт свидетельствует, что это во всяком случае не методы анархизма.

Вожди испанской Федерации Труда, единственной значительной анархистской организации на земле, превратились в критический час в буржуазных министров. Свою открытую измену теории анархизма они объясняют давлением «исключительных обстоятельств». Но разве не тот же довод приводили в свое время вожди германской социал-демократии? Конечно, гражданская война есть не мирное, не заурядное, а «исключительное обстоятельство». Но ведь именно к таким «исключительным обстоятельствам» и готовится каждая серьезная революционная организация. Опыт Испании еще раз показал, что можно «отрицать» государство в книжках, издающихся в «нормальных обстоятельствах», с разрешения буржуазного государства, но что условия революции не оставляют никакого места для «отрицания» государства, а требуют, наоборот, завоевания государства. Мы совсем не собираемся обвинять испанских анархистов в том, что они не ликвидировали государство простым росчерком пера. Революционная партия, даже овладевшая властью (чего испанские анархисты-вожди не сумели сделать, несмотря на героизм анархистов-рабочих), вовсе еще не является полномочным хозяином общества. Но тем более сурово мы обвиняем анархистскую теорию, которая казалась вполне пригодной для мирного времени, но от которой пришлось спешно отказаться, как только наступили «исключительные обстоятельства»... революции. В старину встречались генералы,— встречаются, вероятно, и теперь,— которые считали, что больше всего портит армию война. Немногим лучше их те революционеры, которые жалуются, что революция разрушает их доктрину.

Марксисты полностью согласны с анархистами относительно конечной цели: ликвидации государства. Марксизм остается «государственным» лишь постольку, поскольку ликвидация государства не может быть достигнута посредством простого игнорирования государства. Опыт сталинизма не опровергает учение марксизма, а подтверждает его — методом от обратного. Революционная доктрина, которая учит пролетариат правильно ориентироваться в обстановке и активно использовать ее, не заключает в себе, разумеется, автоматической гарантии победы. Но зато победа возможна только с помощью этой доктрины. Победу эту нельзя, к тому же, представлять себе в виде единовременного акта. Надо брать вопрос в перспективе большой эпохи. Первое рабочее государство — на низкой экономической основе и в кольце империализма — превратилось в жандармерию сталинизма. Но действительный большевизм открыл против этой жандармерии борьбу не на жизнь, а на смерть. Чтоб удержаться, сталинизм вынужден вести сейчас прямую гражданскую войну против большевизма, под именем «троцкизма», не только в СССР, но и в Испании. Старая большевистская партия умерла, но большевизм всюду поднимает свою голову.

Выводить сталинизм из большевизма, или из марксизма, совершенно тоже, что, в более широком смысле, выводите контрреволюцию из революции. По этому шаблону всегда двигалась либерально-консервативная, а затем реформистская мысль. Революции, в силу классового строения общества, всегда порождали контрреволюции. Не показывает ли это, спрашивает резонер,— что в революционном методе есть какой-то внутренний порок? Ни либералы, ни реформисты, не сумели, однако, до сих пор изобрести более «экономные» методы. Но если не легко рационализировать на деле живой исторический процесс, то зато совсем не трудно рационалистически истолковывать смену его волн, выводя

логически сталинизм из «государственного социализма», фашизм из марксизма, реакцию из революции, словом, антитезис из тезиса. В этой области, как и во многих других, анархистская мысль является пленницей либерального рационализма. Подлинно революционное мышление невозможно без диалектики.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ «ГРЕХИ» БОЛЬШЕВИЗМА, КАК ИСТОЧНИК СТАЛИНИЗМА

Аргументация рационалистов принимает иногда, по крайней мере, внешним образом, более конкретный характер. Сталинизм выводится ими не из большевизма в целом, а из его политических грехов (*Одним из ярких представителей этого типа мышления является французский автор книги о Сталине Б. Суварин. Фактическая и документальная стороны труда Суварина представляют собою продукт длительного и добросовестного исследования. Однако, историческая философия автора поражает своей вульгарностью. Для объяснения всех последующих исторических злоключений, он ищет внутренних пороков, заложенных в большевизме. Влияния реальных условий исторического процесса на большевизм для него не существует. Даже И. Тэн с его теорией «среды» ближе к Марксу, чем Суварин.*). Большевики — говорят нам Гортер, Паннекук, некоторые германские «спартакисты» и пр.— подменили диктатуру пролетариата диктатурой партии; Сталин диктатуру партии подменил диктатурой бюрократии. Большевики уничтожили все партии, кроме своей собственной; Сталин задушил большевистскую партию в интересах бонапартистской клики. Большевики шли на компромиссы с буржуазией; Сталин стал ее союзником и опорой. Большевики признали необходимость участия в старых профсоюзах и в буржуазном парламенте; Сталин подружился с тред-юнионистской бюрократией и с буржуазной демократией. Таких сопоставлений можно привести сколько угодно. Несмотря на внешнюю эффективность, они совершенно пусты.

Пролетариат не может прийти к власти иначе, как в лице своего авангарда. Самая необходимость государственной власти вытекает из недостаточного культурного уровня масс и из их разнородности. В революционном авангарде, организованном в партию, кристаллизуется стремление масс добиться освобождения. Без доверия класса к авангарду, без поддержки авангарда классом не может быть и речи о завоевании власти. В этом смысле пролетарская революция и диктатура являются делом всего класса, но не иначе, как под руководством авангарда. Советы только организационная форма связи авангарда с классом. Революционное содержание этой форме может дать только партия. Это доказано положительным опытом Октябрьской революции и отрицательным опытом других стран (Германия, Австрия, наконец, Испания). Никто не только не показал практически, но не попытался даже членораздельно объяснить на бумаге, как пролетариат может овладеть властью без политического руководства партии, которая знает, чего хочет. Если эта партия политически подчиняет советы своему руководству, то сам по себе этот факт также мало отменяет советскую систему, как господство консервативного большинства не отменяет системы британского парламентаризма.

Что касается запрещения других советских партий, то оно ни в каком случае не вытекало из «теории» большевизма, а явилось мерой обороны диктатуры в отсталой и истощенной стране, окруженной со всех сторон врагами. Большевикам ясно было с самого начала, что мера эта, дополненная затем запрещением фракций внутри самой правящей партии, сигнализировала о величайшей опасности. Однако,

источник опасности коренился не в доктрине или тактике, а в материальной слабости диктатуры, в трудностях внутреннего и мирового положения. Если бы революция победила хотя бы только в Германии, надобность запрещения других советских партий сразу отпала бы. Что господство одной партии юридически послужило исходным пунктом для сталинской тоталитарной системы, совершенно неоспоримо. Но причина такого развития заложена не в запрещении других партий, как временной военной мере, а в ряде поражений пролетариата в Европе и в Азии.

То же относится к борьбе с анархизмом. В героическую эпоху революции большевики шли с действительно революционными анархистами рука об руку. Многих из них партия впитала в свои ряды. Автор этих строк не раз обсуждал с Лениным вопрос о возможности предоставления анархистам известных частей территории для производства, в согласии с местным населением, их безгосударственных опытов. Но условия гражданской войны, блокады и голода оставляли слишком мало простора для подобных планов. Кронштадтское восстание? Но революционное правительство не могло, разумеется, «подарить» восставшим матросам крепость, охраняющую столицу, только на том основании, что к реакционному крестьянско-солдатскому мятежу примкнули некоторые сомнительные анархисты. Конкретный исторический анализ событий не оставляет живого места в тех легендах, которые созданы невежеством и сентиментализмом вокруг Кронштадта, Махно и других эпизодов революции.

Остается лишь тот факт, что большевики с самого начала применяли не только убеждение, но и принуждение, нередко в самой суровой мере. Неоспоримо также, что выросшая из революции бюрократия монополизировала затем систему принуждения в своих руках. Каждый этап развития, даже когда дело идет о таких катастрофических этапах, как революция и контрреволюция, вытекает из предшествующего этапа, имеет в нем свои корни и перенимает известные его черты. Либералы, включая и чету Вебб, всегда утверждали, что большевистская диктатура представляет собою только новое издание царизма. Они закрывали при этом глаза на такие мелочи, как упразднение монархии и сословий, передачу земли крестьянам, экспроприацию капитала, введение планового хозяйства, атеистического воспитания и пр. Совершенно также либерально-анархическая мысль закрывает глаза на то, что большевистская революция, со всеми ее мерами репрессий, означала переворот социальных отношений в интересах масс, тогда как термидорианский переворот Сталина сопутствует перестройке советского общества в интересах привилегированного меньшинства. Ясно, что в отождествлениях сталинизма и большевизма нет и намека на социалистический критерий.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Одна из важнейших черт большевизма — строгое и требовательное, даже придирчивое отношение к вопросам доктрины. 26 томов Ленина навсегда останутся образцом высшей теоретической добросовестности. Без этого основного своего качества большевизм никогда не выполнил бы своей исторической роли. Полную противоположность и в этом отношении представляет грубый и невежественный, насквозь эмпирический сталинизм.

Уже свыше десяти лет тому назад оппозиция заявляла в своей платформе: «Со времени смерти Ленина создан целый ряд новых теорий, смысл которых единственно в том, что они должны теоретически оправдать сползание сталинской

группы с пути международной пролетарской революции». Совсем на днях американский социалист Листон Оак, принимавший близкое участие в испанской революции, писал: «На деле сталинцы теперь самые крайние ревизионисты Маркса и Ленина,— Бернштейн не смел и на половину идти так далеко, как Сталин в ревизии Маркса». Это совершенно правильно. Нужно только прибавить, что у Бернштейна действительно были теоретические потребности: он добросовестно пытался установить соответствие между реформистской практикой социал-демократии и ее программой. Сталинская же бюрократия не только не имеет ничего общего с марксизмом, но и вообще чужда какой бы то ни было доктрины, или системы. Ее «идеология» проникнута насквозь полицейским субъективизмом, ее практика — эмпиризм голого насилия. По самому существу своих интересов, каста узурпаторов враждебна теории: ни себе ни другим она не может отдавать отчета в своей социальной роли. Сталин ревизует Маркса и Ленина не пером теоретиков, а сапогами ГПУ.

ВОПРОСЫ МОРАЛИ

На «аморальность» большевизма особенно привыкли жаловаться те чванные ничтожества, с которых большевизм срывал дешевые маски. В мелкобуржуазных, интеллигентских, демократических, «социалистических», литераторских, парламентских и иных кругах есть свои условные ценности, или свой условный язык для прикрытия отсутствия ценностей. Это широкое и пестрое общество взаимного укрывательства — «живи и жить давай другим!» — совершенно не выносит прикосновения марксистского ланцета к своей чувствительной коже. Колеблющиеся между разными лагерями теоретики, писатели и моралисты считали и считают, что большевики злонамеренно преувеличивают разногласия, неспособны к «лояльному» сотрудничеству и своими «интригами» нарушают единство рабочего движения. Чувствительному и обидчивому центристу всегда казалось сверх того, что большевики на него «клеветают»,— только потому, что они доводили за него его собственные полумысли до конца: сам он на это совершенно не способен. Между тем, только это драгоценное качество: нетерпимость ко всякой половинчатости и уклончивости, способно воспитать такую революционную партию, которую никакие «исключительные обстоятельства» не застигнут врасплох.

Мораль каждой партии вытекает, в последнем счете, из тех исторических интересов, которые она представляет. Мораль большевизма, включающая в себя самоотверженность, бескорыстие, мужество, презрение ко всему мишурному и фальшивому — лучшие качества человеческой природы! — вытекала из революционной непримиримости на службе угнетенных. Сталинская бюрократия и в этой области имитирует слова и жесты большевизма. Но когда «непримиримость» и «непреклонность» осуществляются через полицейский аппарат, состоящий на службе привилегированного меньшинства, они становятся источником деморализации и гангстерства. Нельзя иначе, как с презрением, отнестись к тем господам, которые отождествляют революционный героизм большевиков с бюрократическим цинизмом термидорианцев.

И сейчас еще, несмотря на драматические факты последнего периода, средний филистер предпочитает думать, что в борьбе между большевизмом («троцкизмом») и сталинизмом дело идет о столкновении личных амбиций, или, в лучшем случае, о борьбе двух «оттенков» в большевизме. Наиболее грубое выражение этому взгляду дает Норман Томас, лидер американской социалистической партии. «Мало

оснований думать,— пишет он (Социалист ревью, сентябрь 1937 г., стр. 6),— что если б Троцкий выиграл (!) вместо Сталина, наступил бы конец интригам, заговорам и царству страха в России». И этот человек считает себя... марксистом. С таким же основанием можно бы сказать: «мало оснований думать, что если бы вместо Пия XI на римский престол возведен был Норман I, то католическая церковь превратилась бы в оплот социализма». Томас не понимает, что дело идет не о матче между Сталиным и Троцким, а об антагонизме между бюрократией и пролетариатом. Правда, в СССР правящий слой вынужден еще сегодня приспособляться к не ликвидированному полностью наследию революции, подготавливая в то же время, путем прямой гражданской войны (кровавая «чистка»,— массовое истребление недовольных), смену социального режима. Но в Испании сталинская клика уже сегодня открыто выступает, как оплот буржуазного порядка против социализма. Борьба против бонапартистской бюрократии превращается на наших глазах в классовую борьбу: два мира, две программы, две морали. Если Томас думает, что победа социалистического пролетариата над подлой кастой насильников не возродила бы советский режим политически и морально, то он лишь показывает этим, что, несмотря на все свои оговорки, виляния и благочестивые вздохи, он гораздо ближе к сталинской бюрократии, чем к рабочим. Как и другие обличители большевистской «аморальности», Томас просто не дорос до революционной морали.

ТРАДИЦИИ БОЛЬШЕВИЗМА И ЧЕТВЕРТЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

У тех «левых», которые делали попытки «вернуться» к марксизму в обход большевизма, дело сводилось обычно к отдельным панацеям: бойкотировать старые профессиональные союзы, бойкотировать парламент, создавать «настоящие» советы. Все это могло казаться чрезвычайно глубоким в горячке первых дней после войны. Но сейчас, в свете проделанного опыта, эти «детские болезни» потеряли даже интерес курьеза. Голландцы: Гортер, Паннекук, некоторые немецкие «спартакисты», итальянские бордигисты проявляли свою независимость от большевизма только в том, что одну его черту, искусственно раздутую, противопоставляли другим его чертам. От этих «левых» тенденций не осталось ничего, ни практически, ни теоретически: косвенное, но важное доказательство того, что большевизм является единственной формой марксизма для своей эпохи.

Большевистская партия показала на деле сочетание высшего революционного дерзновения с политическим реализмом. Она впервые установила то соотношение между авангардом и классом, которое одно только способно обеспечить победу. Она доказала на опыте, что союз пролетариата с угнетенными массами деревенской и городской мелкой буржуазии возможен только путем политического ниспровержения традиционных партий мелкой буржуазии. Большевистская партия показала всему миру, как совершаются вооруженное восстание и захват власти. Те, которые противопоставляют абстракцию советов партийной диктатуре, должны бы понять, что, только благодаря руководству большевиков, советы поднялись из реформистского болота на уровень государственной формы пролетариата. Большевистская партия осуществила правильное сочетание военного искусства с марксистской политикой в гражданской войне. Если б сталинской бюрократии удалось даже разрушить экономические основы нового общества, опыт планового хозяйства, проделанный под руководством большевистской партии, навсегда войдет в историю, как величайшая школа для всего человечества. Всего этого могут

не видеть только сектанты, которые, обидевшись на полученные ими синяки, повернулись спиной к историческому процессу.

Но это не все. Большевистская партия могла проделать столь грандиозную «практическую» работу только потому, что каждый свой шаг она освещала светом теории. Большевизм не создал ее: она дана была марксизмом. Но марксизм есть теория движения, а не застоя. Только действия грандиозного исторического масштаба могли обогатить самую теорию. Большевизм внес драгоценный вклад в марксизм своим анализом империалистской эпохи, как эпохи войн и революций; буржуазной демократии в эпоху загнивающего капитализма; соотношения между всеобщей стачкой и восстанием; роли партии, советов и профессиональных союзов в эпоху пролетарской революции; своей теорией советского государства; переходной экономики; фашизма и бонапартизма эпохи капиталистического упадка; наконец, анализом условий перерождения самой большевистской партии и советского государства. Пусть назовут другое течение, которое прибавило что-либо существенное к выводам и обобщениям большевизма. Вандервельде, Де Брукер, Гильфердинг, Отто Бауэр, Леон Блюм, Жиромский, не говоря уже о полковнике Аттли и Нормане Томасе, живут теоретически и политически потрепанными остатками прошлого. Вырождение Коминтерна грубее всего выразилось в том, что он теоретически скатился до уровня II Интернационала. Всякого рода промежуточные группы (Независимая Рабочая Партия Великобритании, ПОУМ и им подобные) каждую неделю приспособляют заново случайные обрывки из Маркса и Ленина к своим текущим потребностям. У этих людей рабочим нечему учиться.

Серьезное отношение к теории, вместе со всей традицией Маркса и Ленина, усвоили себе только строители Четвертого Интернационала. Пусть филистеры усмеются над тем, что через два десятилетия после Октябрьской победы революционеры снова отброшены на позиции скромной пропагандистской подготовки. Крупный капитал в этом вопросе, как и в других, гораздо проницательнее мелкобуржуазных филистеров, воображающих себя «социалистами» или «коммунистами»: не даром вопрос о Четвертом Интернационале не сходит со столбцов мировой печати. Жгучая историческая потребность в революционном руководстве обещает Четвертому Интернационалу исключительно быстрые темпы роста. Важнейшей гарантией его дальнейших успехов является то обстоятельство, что он сложился не в стороне от большой исторической дороги, а органически вырос из большевизма.

Л. Троцкий.
28 августа 1937 г.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)
N 58–59.